

2.0 m 132

ms 57249

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢ

БИБЛИОТЕКА
41 АВГ. 1910
И. М. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цена на годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстникъ» [24 выкупа] — 2 дол. [4 рубля]; Англ. прил. [12 книжекъ] 1 дол. 50 цент. [3 рубля]; Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. [6 рублей]

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [issued semi-monthly] \$2.00; English Supplements — [issued monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

Vol. XIV. — No. 20. NEW YORK OCTOBER 28 15 Октября 1910 г.

Благодарность Архипастырю.

Отъ Центральнаго Отдѣла Общества им. Михаила Качковскаго во Львовѣ, за подписью почтеннѣйшаго предѣдателя Правленія Ф. М. Овистуна, прислано слѣдующее трогательное благодареніе, Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Платону, Архіепископу Алеутскому и С.-Американскому, за щедрый даръ на Общество:

„Получивъ отъ Вашего Высокопреосвященства щедрый даръ въ суммѣ 490 кор., Центральное Правленіе того же Общества считаетъ своимъ долгомъ заявить Вамъ, Высокопреосвященный Архипастырь, нашихъ земляковъ, судьбой брошенныхъ за далекій океанъ, глубоко нами прочувствованное благодареніе за столь обильную жертву, свидѣтельствующую о Вашемъ христіанскому ученію любви ближняго и русскому народу, часть котораго мы составляемъ, горячо преданномъ сердцѣмъ.

„Ваша жертва ослаждаетъ намъ горечь, претерпѣваемую въ настоящее время, ибо въ ней видимъ, что лучшіе сыновья Руси принимаютъ участіе въ нашей судьбѣ и заявляютъ намъ ободряющее насъ сочувствіе.

„Спаси Богъ Вамъ за добро, сдѣланное нашему народу! Всевышній да вознаградитъ Васъ стократно здоровьемъ, великимъ благополучіемъ и долготѣтвіемъ для дальнѣйшихъ трудовъ въ пользу нашей по всему міру разброшенной Руси.

„Примите отъ насъ увѣреніе въ сыновней любви и глубокомъ уваженіи.“

О ЦЕРКВИ.

Мы обыкновенно говоримъ: „Церковь есть наша мать“, „Церковь наша руководительница“, „Церковь повелѣваетъ“, „Церковь запрещаетъ“ и т. п. Но что такое Церковь?

По простому филологическому производству церковь (греч. *εκκλησια*) есть „собраніе“; данное слово соотвѣтствуетъ еврейскому *kahal*. Но не всякое „собраніе“ есть церковь. Собраніе первыхъ людей государства, сановниковъ, консуловъ — это не церковь (*εκκλησια*), а такъ называемый синклитъ (*συγκλησις*). У аѳинянъ различались двойного рода собранія, — такъ называемыя *εκκλησια* и *агора*. Первые означали собранія узаконенныя, когда граждане, люди имѣвшіе право на участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, созывались властью чрезъ герольда, законнымъ порядкомъ; вторыя же были собранія смѣшанныя, безнорядочныя, — когда сходилась просто толпа всякаго рода людей. Эти филологическія справки приводятъ къ слѣдующему заключенію. Церковь, какъ „собраніе“, включаетъ въ себя два момента: во-первыхъ, моментъ стройнаго, упорядоченнаго единства, а во-вторыхъ, моментъ званія, или призванія (*εκκλησια*, *κλησις*, *εκκλησις*, *εκκλησιον*). Члены Церкви Христовой — это члены одного града, управляются одними законами, имѣютъ одну вѣру; Церковь — не духовная аристократія, но и не смѣшанная толпа: въ ней находятся званые, или призванные

The Church.

By D. Bogdashewsky.

We are all in the habit of saying: "the Church is our mother", "the Church is our guide", "the Church orders", "the Church forbids", and so on. Yet what is the Church?

Philologically the Church (*ekklesia*) is a "gathering", a word corresponding to the Hebrew *K a h a l*. But not every gathering is a Church. A gathering of the best men of a state, of dignitaries and consuls is not an *ekklesia*, but a *synklesis*. The Athenians made a distinction between *ekklesiai* and *agorai*. The first were legal gatherings, to which citizens having the right to discuss state affairs were called in an established legal way. The second were mixed gatherings, a disorderly crowd of all sorts of men.

This bit of philological investigation brings us to the following conclusion: The Church as a "gathering" includes two characteristics, the first being a harmonious, orderly wholeness, the second being the calling, — *ekklesia*, *klēsis*, *ekkletos*, *ekkalein*. Members of the Church of Christ are citizens of the same city, they are ruled by the same law, and have the same belief; the Church is not a spiritual aristocracy, but neither is it a mixed crowd; in it are to be found those who were called by the grace or the power of God. Some writers include angels in

благодатью и силою Божію. Нѣкоторые включаютъ въ Церковь и ангеловъ, но это расширеніе объема Церкви не имѣетъ для себя основанія. По ученію Апостола, ангелы взираютъ на Церковь и получаютъ отъ нея промудрости Божіей (Ефес. 3, 10); въ Церковь не имѣютъ нужды въ спасеніи, а Церковь есть общество спасаемыхъ.

Но какъ государство не есть простое собраніе гражданъ, такъ тѣмъ болѣе Церковь не можетъ быть считаемъ только обществомъ истинно или право вѣрующихъ во Христа. Такое опредѣленіе Церкви было бы совершенно неправильнымъ. Конечно, современный эмпиризмъ знаетъ только вѣрующаго Ивана, или сомнѣвающагося Петра, а Церкви не знаетъ; но при эмпирической точкѣ зрѣнія въ христіанствѣ ничего нельзя понять; тутъ необходимо выеій христіанскій идеализмъ. Съ этой точки зрѣнія, Церковь не есть ни простой коллективъ, ни чистый абстрактъ. Церковь есть благодатный институтъ, или благодатное учрежденіе, воспитывающее насъ, -- говоримъ благодатное, а не юридическое, гдѣ все основывается на вѣрности, повужденіи. Церковь имѣетъ божественную организацію, въ ней живетъ Духъ Божій, дѣйствуютъ благодатныя таинства. Церковь есть истинно-живое, историческое воплощеніе христіанства; она въ своемъ родѣ осуществленное на землѣ царствіе Божіе. „Церковь представляетъ собою не только общество вѣрующихъ, но одновременно и общество вѣрующихъ и богоустановленное учрежденіе для нашего спасенія. Нужно различать субъективную и объективную стороны въ понятіи Церкви. „Она есть не только возрожденное св. Духомъ общество вѣрующихъ, но также и исполненная благодатныхъ таинствъ скинія Божія на землѣ, посредствомъ которой Самъ Господь обитаетъ въ мірѣ и раздаетъ благодатныя да-

the Church, but such a widening of the limits of the Church has no foundation. In the teaching of the St. Paul, angels watch the Church and learn from it the manifold wisdom of God (Ephesians, 3, 10). But angels have no need of salvation, and the Church is a gathering of people who are in the process of being saved.

But as a state is not a mere gathering of citizens, so the Church is not to be considered merely a gathering of those who rightly believe in Christ. Such a definition of the Church would be quite incorrect.

Needless to say, modern empiricism knows but the believing John or the doubting Peter, and no Church. But from an empirical point of view Christianity can not be understood at all. To do so we need supreme Christian idealism. From the point of view of the latter, the Church is neither a mere collective, nor a pure abstraction: it is an institution of grace, which educates us. We say that it is an institution of grace and not a legal institution, in which things are founded on exterior agreements and forced.

The Church has a Divine organization, the spirit of God lives in it and the sacraments of grace act in it. The Church is a truly living historical incarnation of Christianity; in a way it is the kingdom of God realized on earth. As says E. Akrilonoff, „the Church does not only represent a community of believers, but both this and a Divinely established institution, for our salvation“. And so we ought to distinguish between the subjective and the objective sides of the idea of the Church. As the same author says, „it is not only a community of believers regenerated by the Holy Spirit, but it also is the tabernacle of God on earth, through the means of which the Lord Himself lives in the world and distributes gifts of grace to men“. Hence it is clear in what way the Church

ры челоѣкамъ". Отсюда понятно, какимъ образомъ Церковь есть наша мать, наша руководительница: она святое божественное учрежденіе, рождающее и воспитывающее насъ.

По ученію св. Апостола Павла, Церковь есть тѣло Христово (Ефес. 1, 23; 2, 16; 4, 4, 12, 16; 5, 23, 30; Кол. 1, 18, 24; 2, 19; и др.), богочеловѣчскій организмъ. Въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи мы вкушаемъ истинное тѣло и истинную кровь нашего Господа Спасителя, Онъ преподаетъ намъ Свое тѣло, а въ Церкви Онъ содѣлалъ насъ своимъ тѣломъ. Христосъ Спаситель находится въ такомъ же тѣснѣйшемъ, неразрывномъ единеніи съ основанною Имъ Церковью, въ какомъ глава стоитъ къ тѣлу. Онъ именно Глава Церкви, — не просто Начальникъ Владыка, но дѣйствительная Глава; Церковь близка, родственна Христу; въ Немъ и чрезъ Него она получаетъ благодатную жизнь.

Апостольское наименованіе Церкви тѣломъ Христовымъ содержитъ въ себѣ глубочайшій, можно сказать, неисчерпаемый смыслъ. Мы укажемъ только нѣкоторыя, заключающіяся въ немъ мысли, которыя имѣютъ необыкновенно важное теоретическое и практическое значеніе.

Прежде всего органическое тѣло живетъ, растетъ, увеличивается: такъ и Церковь — тѣло Христово создается (Ефес. 4, 12), творитъ возрастаніе (Ефес. 4, 16), возрастаетъ подобно обыкновенному органическому тѣлу, въ которомъ все первоначально дано въ идеѣ, въ зародышѣ и оно не получаетъ съ теченіемъ времени какихъ нибудь новыхъ органовъ, а только усваиваетъ нужный ему матеріалъ, перерабатываетъ его и чрезъ это растетъ и крѣпится. Обыкновенное органическое тѣло не есть, далѣе, безразличное единство, а единство во множествѣ, или единство въ разнообразіи; не всѣ члены тѣла имѣютъ

is our mother and our guide: it is the holy Divine institution which gives us birth and educates us.

According to St. Paul the Apostle, the Church is the body of Christ, an organism which is in part divine and in part human. In the most holy mystery of the Eucharist we partake of the true body and blood of our Saviour. He gives His flesh to us, and in the Church He makes us His body. Christ the Saviour is related to the Church. He founded in the same intimate and indivisible way in which the head is related to the body. He simply is the head of the Church, not a ruler, not a master, but truly the head. The Church is near to Christ, it is akin to Him. In Him and by Him it receives its life of grace.

The apostle giving to the Church the name of the body of Christ contains a most profound meaning, whose depth can never be exhausted. We shall here point out only a few ideas contained in it, which have a most important significance both theoretically and practically.

First of all an organic body lives, grows, increases, so does the Church, the body of Christ, — it is being edified, it maketh increase (Ephesians, 4, 12, 16), it grows like any ordinary organic body, to which everything had already been given potentially in the embryo, which does not receive any new organs in time, but merely assimilates the materials it needs working them out and so growing and becoming stronger. Besides, an ordinary organic body is not an undifferentiated unity, but a unity in plurality, in variety. Not all the members of the body have the same importance, but all are equally necessary, for they all serve the life of the whole. The same, teaches the apostle Paul, obtains in the Church of Christ. It is a unity in diversity, because we being many are one body in Christ (Romans, 12, 5) And if

одинаковое значение, но все равно необходимо, ибо служить жизни цѣлаго; въ тѣлѣ нѣтъ распри, а всякій членъ поддерживает жизнь организма, его благословеніе. Такъ, по ученію Апостола, и въ Церкви Христовой. Она есть единство и разнообразіе, ибо, будучи многи ми, мы составляемъ одно тѣло во Христѣ (Римл. 12, 5); если бы все были однимъ членомъ, то гдѣ было бы тѣло; но теперь членовъ много, а тѣло одно" (1 Коринт. 12, 19, 20). Въ Церкви, далѣе, никто не умаленъ, -- не все члены здѣсь равны, но все одинаково необходимо, ибо тѣло Церкви возрастаетъ, „при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена" (Ефес. 4, 16). Въ Церкви, какъ строиномъ, органическомъ тѣлѣ Христовомъ (Ефес 4, 16), розни и распри нѣтъ, такъ, такъ все мы примирлись въ одномъ тѣлѣ (Ефес. 2, 16), все напоены единымъ Духомъ (1 Коринт. 12, 13); „не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ негодна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны" (1 Коринт. 12, 21). Въ Церкви, какъ и въ обыкновенномъ органическомъ тѣлѣ, полное содружество членовъ: „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ все члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются все члены" (1 Коринт. 12, 26). Если бы, замѣтимъ, это Апостольское ученіе о Церкви вошло въ нашу плоть и нашу кровь, жизнь наша тогда получила бы несомнѣнно иное направленіе. „Отвергнувъ ложь, говорите -- научаетъ св. Апостоль -- истину каждый ближнему своему, потому что мы члены другъ другу" (Ефес. 4, 25), а члены тѣла другъ друга обманывать не могутъ (св. І. Златоустъ).

Церковь, какъ тѣло Христово, отличается безусловнымъ единствомъ. Это единство „не мнимое, не ипосказательное, а истинное и существенное какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ". (А. С. Хомяковъ).

there were but one member, where would be the body, „but now are they many members, yet but one body" (I Corinthians, 12, 19—20). Moreover, in the Church no one is belittled, not all members are equal, but all are necessary, because the body of the Church grows „according to the effectual working in the measure of every part" (Ephesians, 4, 14). As in the harmonious body of Christ, there is no differences and quarrelling in the Church, as we all have grown reconciled unto God in one body (Ephesians, 2, 16), as we all have been made to drink into one Spirit (I Corinthians, 12, 13). „And the eye cannot say unto the hand, I have no need of thee, nor again the head to the feet, I have no need of you" (I Corinthians, 12, 21). As in an ordinary organic body, the coloboration of members is perfect in the Church: „and whether one member suffer, all the members suffer with it, or one member be honored, all the members rejoice with it" (I Corinthians, 12, 26). If only this apostolic doctrine of the Church could become part of flesh and blood, our life most assuredly would go into a very different direction. „Wherefore putting away lying speak every man truth with his neighbour: for we are members one of another" (Ephesians, 4, 25). And St. John Chrysostom says, that members of one body cannot deceive each other.

The Church, as the body of Christ, is characterised by an unconditioned unity. As A. S. Chomiakoff says, this unity is not an assumed or an allegorical one, but a real and essential one; as the unity of the living members in a living organism. This unity is not exterior and mechanical, but interior and organic, it is the unity of love. It is most clearly represented by our single Eucharistic communion. Unchangeable and unshakeable are the objective foundations of this unity: one Lord,

Это — единство не внѣшнее, механическое, а единство внутреннее, органическое — единство любви. Оно со всею ясностью выражается во единомъ нашемъ Евхаристическомъ общеніи. Незмѣнны и неизблѣмы объективныя основы этого единства: единъ Господь, нашъ Спаситель и Искупитель; одна вѣра, всехъ оправдывающая, ибо не оправдался одинъ вѣрою а другой — дѣлами; едино крещеніе, всехъ насъ возродившее въ новую жизнь; одинъ Богъ и Отецъ всехъ, который надъ всеми и владычествуетъ и чрезъ всехъ дѣйствуетъ и во всехъ насъ обитаетъ; одна надежда или упованіе христіанское, которымъ все мы одушевляемся (Ефес. 4, 4-6). Если Церковь есть единое тѣло Христово, то Церковь земная находится въ живомъ тѣснѣйшемъ неразрывномъ общеніи съ Церковью небесною, и отсюда вполне понятна необходимость молитвъ за умершихъ и молитвъ о заступленіи святыхъ. А что касается частныхъ земныхъ Церквей, то онѣ суть только „великіе члены единого тѣла вселенской Церкви“. „Церковь — говоритъ св. Киприанъ — едина, хотя, съ возрастающимъ плодотвореніемъ расширяясь, дробится на множество. И у солнца много лучей, но свѣтъ одинъ, много вѣтвей на деревѣ, но стволъ одинъ, крѣпкодержащійся на корнѣ; много ручьевъ истекаетъ изъ одного источника, но хотя разливъ, пропеходящій отъ обилія водъ, и представляетъ множественность, однако въ самомъ истоцѣ сохраняется единство? Отдѣли солнечный лучъ тѣла — единство не терпитъ раздѣленія свѣта; отломъ вѣтвь отъ дерева — отломленная она не можетъ плодоносить; отрѣжь ручей отъ источника — отрѣзанный онъ засохнетъ. Такъ и Церковь, озаренная свѣтомъ Господнимъ, по всему міру распространяетъ свои лучи, но свѣтъ, разливающейся повсюду, одинъ, и единство тѣ-

our Saviour and Redeemer; one faith, which justifieth all, for it is not as if one man were justified by faith, and another by works; one baptism, which regenerates us all into a new life; one God and Father of all, who is above all, and through all, and in all; and one Christian hope and faith, by which we all are ensouled (Ephesians, 4, 4-6).

If the Church is the one body of Christ, the earthly Church is in a living communion with the heavenly Church, a communion which is most intimate and uninterrupted. Hence the necessity of prayers for the dead and of prayers for the intercession of the saints is quite intelligible.

As to the local earthly churches, they are but „the great members of the one body of the universal Church“.

St. Cyprian says: „the Church is one, though with increasing fecundity, spreading, it is broken into a great number. Yet the sun has many rays, but one light; the tree has many branches, but one trunk, which firmly holds to the roots; many brooks stream from one source, yet, though the spread caused by the abundant waters, represents plurality, the unity is preserved in the very source. Separate the ray of the sun from the body of the sun — unity will not tolerate the division of light; brake a branch off the tree — broken it is not able to bear fruit; cut off a brook from its source — cut off it will dry up. Likewise, the Church, lit up by the light of the Lord, scatters its rays all over the world, but the light spreading everywhere is one light, and the unity of the body remains indivisible. It spreads its branches abounding with fruit over all the earth; its abundant streams pour into distant regions. For all that the Head remains one, one beginning and one mother, rich in the ripening of fecundity“.

And so once more, the Church is a

да остается нераздѣльнымъ. По всей землѣ она распространяетъ обилующіи плоды и вѣтви свои, обильные потоки ея текутъ на далекія пространства; при всемъ томъ Глава остается одна, одно начало и одна мѣра, богатая пресыщеніемъ плодотворенія".

Церковь, повторимъ, есть единство во множествѣ, или единство въ разнообразіи; въ ней свобода при необходимости, т. е. въ ней согласованы тѣ два принципа, которые съ такимъ трудомъ обыкновенно примиряются. „Каждому изъ насъ — говоритъ Апостолъ — дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Ефес. 4, 7). Есть дарованія общехристіанскія, получаемыя всеми, и есть дарованія особенныя, которыми каждый изъ насъ можетъ служить дѣлу Церкви. Единство послѣдней вовсе не нарушается тѣмъ, что въ ней существуютъ особенныя іерархическія служенія, а, напротивъ, эти служенія установлены Самимъ Господомъ для блага Церкви, — „къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Ефес. 4, 11, 12), — чтобы не было несовершенныхъ, младенцевъ въ вѣрѣ, а все болѣе и болѣе возрастали духовно (Ефес. 4, 13 и дал.). Какъ несправедливо отождествлять Церковь съ одною только іерархіею, такъ еще болѣе превратно отвергать церковную іерархію. Существованіе законной іерархіи — это наиболѣе замѣтный, такъ сказать, осязательный признакъ бытія Церкви. Какъ въ обыкновенномъ органическомъ тѣлѣ есть свои связи, которыми оно скрѣпляется, такъ подобныя связи существуютъ и въ тѣлѣ Церкви (Колос. 2, 19), и имъ соответствуютъ іерархическія служенія.

Какъ тѣло Христово, Церковь есть полнота, т. е. совершенство, безусловное совершенство; въ ней нѣтъ ничего недостающаго, что можно бы, или нужно бы присоединить. Она „полнота“ по суще-

unity in plurality, a unity in diversity. In it freedom and obligation go together, in other words in it are reconciled the two principles which are so different to reconcile.

„Unto every one of us is given grace according to the measure of the gift of Christ“ (Ephesians, 4, 7).

There are common Christian gifts, received by all, and there are special gifts, which give us the possibility to serve the Church. The unity of the latter is not by any means broken by the fact that special hierarchical offices exist within it. Quite the contrary these offices were established by the Lord Himself for the good of the Church, „for the perfecting of the saints, for the work of the ministry, for the edifying of the body of Christ“, that we be no more like children, imperfect in faith, but grow spiritually in a progressive way (Ephesians, 4, 11—15).

It would be unjust to identify the Church with the hierarchy alone, but it will be still more unjust to reject the ecclesiastical hierarchy. The existence of a lawful hierarchy is the most evident, so to speak, palpable sign of the existence of the Church.

As in an ordinary organic body there are points by which it is knit together, so in the body of the Church (Colosians, 2, 19), the joints in this body corresponding to the hierarchical offices.

As the body of Christ is the realized fulness, the unconditioned perfection, nothing is lacking in it, which could possibly be added. This „fulness“ is in the essence, but in the lives of the believers this fulness is only gradually realized through Christ, the Head of the Church. We all receive from the fulness of the Church and the object of every believer's endeavour is to realize the perfect assimilations of the fulness of Christ's gifts. Can, then, the

ству, а въ жизни вѣрующихъ эта полнота, чрезъ дѣйствіе Главы Христа, только постепенно осуществляется; изъ полноты Церкви мы все приедемъ, и задача жизни вѣрующихъ состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть мѣры возраста полноты Христовой, т. е. совершеннаго усвоенія Христовыхъ дарованій. Развивается ли Церковь, если она есть „полнота“? Не развивается, конечно, а только самораскрывается, ибо „развитіе ея не есть что-либо новое, не данное Христомъ, а есть осуществленіе того идеала, который данъ ей во Христѣ. Общая жизнедѣятельность тѣла Церкви, совершаемая Иисусомъ Христомъ, есть органическое воплощеніе даннаго идеала и дарованной благодати въ дѣйствительныхъ ея членахъ“. (Ф. Думскій).

Какъ полнота Христова, Церковь свята, — свята, конечно, опять по существу, а не по фактическому состоянію своихъ членовъ, которые нуждаются въ освященіи. Какъ полнота Христова, Церковь непогрѣшима, владѣетъ полною, а не частичною истиною, а потому она не разрушаетъ того своего ученія, которое признавала раньше. „Чѣмъ святилась бы земля, если бы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, если бы ея вымышленный приговоръ былъ противенъ вчерашнему? Въ Церкви, т. е. въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія, но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной“. Измѣненіе обряда, церковнаго устройства не есть измѣненіе Церкви, ибо духъ Церкви, который есть Духъ Божій, неизмѣненъ. Церковь не можетъ быть „измѣвненною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы Духа истины“. (Хомяковъ).

Апостольское ученіе о Церкви, какъ полнотѣ Христовой, можно понимать и въ томъ смыслѣ, что Церковь восполняетъ

Church develop any further, if its fulness is complete? No, of course, it does not develop, but it reveals itself to itself, for, as says Th. Doomsy, its development is not the acquiring of anything new, which has not already been given by Christ, but the realization of the ideal which it received in Christ. The whole vital activity of the body of the Church, accomplished by Jesus Christ, is the organical incarnation of the established ideal and of the grace, which has already been granted, within its active members“.

As the fulness of Christ, the Church is holy, but again it is holy in essence only, and not in the actual condition of its members, who still need consecration. As the fulness of Christ, the Church is infallible, it possesses the complete, not the partial truth, and consequently it does not abolish any teaching which it accepted formerly.

In the words of A. S. Chomiakoff, what would make the earth holy, if the Church lost its holiness? And where would be truth if to day's verdict contradicted yesterday's? False teachings arise in the Church, that is in its members but then the contaminated members fall away, forming dissent, without changing anything in the holiness of the Church. Changes in the ritual, or in the ecclesiastical order do not change the Church, for the spirit of the Church being the Spirit of God is unchangeable. The Church itself can not change, or darken or fall away, for that would mean that it lost the spirit of truth.

The apostolic teaching concerning the Church, as the fulness of Christ, may also be understood in that sense that it completes Christ (St. John Chrysostom). Of course, it is not the Person of the God-Man, who in Himself is perfect and complete, that the Church completes. The completion in this case consists of the fact

Христа (св. Иоаннъ Златоустъ). Она вос-
подниетъ, конечно, не Лицо Богочеловѣка.
Который Самъ въ Себѣ полонъ и всесо-
вершенъ, а исполняетъ Его тѣмъ, что
дѣлу Его даетъ придти къ совершенію,
всѣхъ привлекая ко Христу, вводя въ
благодатное общеніе съ Нимъ. Церковь —
орудіе дѣйствія Христа въ мірѣ; безъ
Церкви Христосъ, Мессія, явившеся во
плоти Слово, не былъ бы тѣмъ, чѣмъ Онъ
есть, т. е. нашимъ Искупителемъ, Прими-
рителемъ, ибо нѣтъ главы безъ тѣла, и
Церковь неотдѣльна отъ Христа.

По ученію Апостола, Церковь такъ
величественна, что сами ангелы изиравтъ
на нее и поучаются въ ней премудрости
Божіей (Ефес. 3, 10). Это потому, что
Церковь есть живое, фактическое свидѣ-
тельство премудрости божественной; и
пей, какъ бы въ нѣкоемъ фокусѣ, отра-
жается весь премудрый планъ Божія до-
могостроительства, явленнаго въ различ-
ныхъ формахъ, избравшаго различные
пути, которые вели къ одной цѣли —
Спасенію Человѣчества. Задачи Церкви
высочайшія: будучи снмъ осуществлен-
нымъ царствіемъ Божіимъ на землѣ, по-
тому что въ ней — единеніе въ одномъ
тѣлѣ, Свобода, Святость, любовь и истина,
она есть орудіе, или посредница въ сози-
даніи Царства Божія, — Царства Божія
„внутри насъ“ (этическое пониманіе), —
царства правды, мира, любви и радости
о Духѣ Святомъ, царства Божія внѣ насъ
(космическое пониманіе), гдѣ небесное и
земное соединено и воля Божія служитъ
закономъ для всѣхъ разумныхъ тварей и,
накопецъ, царства Божія въ будущемъ
вѣкѣ, царства славы (пониманіе эсхатоло-
гическое). Все это Церковь производитъ,
приводя всѣхъ ко Христу, давая всѣмъ
возможность пользоваться плодами иску-
пленія, совершеннаго Христомъ, обновляя
и возрождая все человѣчество.

that the Church gives the opportunity for
the work of Christ to be completed, draw-
ing all to Christ and placing all in a com-
munion grace with Him. The Church is
the instrument of the activity of Christ in
the world. Without the Church, Christ the
Messiah, Who is the Word made manifest
in the flesh, could not be what He is, that
is our Redeemer and Reconciler, because
there is no head without a body, and the
Church is inseparable from Christ.

In the teaching of St. Paul, the Church
is so great, that Angels themselves watch
it and learn from it the wisdom of God
(Ephesians, 3, 10). It is so, because the
Church is the living and real witness
of divine wisdom. In it as in a focus
is reflected the allwise plan of God's
edifice building, manifest in various forms,
choosing various ways, which all led to the
same goal, the salvation of man.

The objects of the Church are supreme:
being itself the realization of the Kingdom
of God on earth, because in one body it
unites freedom, holiness, love and truth,
it is the instrument or rather the medium
in the building up of that Kingdom of God
which is „within us“ — this is the ethical
interpretation; it also is the medium of
realizing truth, love and rejoicing in the
Holy Spirit, in other words of the King-
dom of Heaven outside of us, in which the
heavenly and the earthly have become one
and where the will of God is the law for
all intelligent creatures — this is the cos-
mical interpretation; and lastly it is the
medium of the realization of the Kingdom
of God in the future life, of the Kingdom
of Glory — this is the eschatological
interpretation.

All this the Church achieves by bring-
ing all men to Christ, giving them the
possibility to profit by the fruit of the re-
demption, accomplished by Christ, and by
renovating and regenerating all humanity.

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

Очарованія и разочарованія. — „Морской
волкъ“. — Лазаретъ.

Въ самомъ лучшемъ настроеніи духа отъѣзжали мы изъ церковнаго дома въ Свентли къ пристани. И Богу помолились, и съ Нью-Йоркомъ прощально-напутственными телеграммами обмѣнялись. Правда, накрапывалъ легкій дождикъ, — а быть можетъ это просто окутывалъ насъ сырой туманъ, — но даже о. діаконъ подбодрялся и молодцовато возеѣдалъ рядомъ съ шофферомъ, держа обѣими руками единственную вѣренную ему на время путешествія вещь, закрѣпленный чрезъ его плечо ремнемъ бинокль, который онъ все таки умудрился гдѣ то на возвратномъ пути, по освобожденіи отъ моей опеки, посылать...

Воображеніе рисовало намъ нашъ корабль въ самомъ блестящемъ видѣ. Описанія пароходныхъ линій не скупились на панегирики своимъ роскошнымъ плавающимъ дворцамъ, снабженнымъ — де веѣмъ удобствами, залитымъ огнями, просторнымъ, предоставляющимъ въ распоряженіе пассажировъ широкія палубы, уютно обставленныя каюты, огромныя салонныя залы... Можно было опасаться, что даже нашъ Нью-Йоркъ спасуетъ и склонитъ свою гордую головушку предъ этими престестями, и наши дѣйствительно — великолѣпные пароходы — рѣчные по Гудзону, и прибрежные — къ Бостону и т. д., поблѣкнутъ предъ тихоокеанскими аляскинскими судами. Увы! веѣ наши пріятные страхи разреѣались яко дымъ, какъ только наша машина съ грохотомъ подкатила къ трану „Cottage City“ и предъ нами обрисовался „утлый челнъ“ хотя и

порядочныхъ размѣровъ, но неприѣтливый, а въ эту минуту и признательный. Палубы сплошь были загружены разными кладами, перегорожены веревками и порилами, и все сіе окутывала атмосферна далеко не благовоющая. Съ нѣкоторыми усилиями протискавшись на эту ладью, мы подошли къ своей каютѣ, чтобы здѣсь исполнить свои впечатлѣнія еще повѣтъ недоумѣніемъ: въ высокой отведенной для троекъ компатункѣ веѣ три постели были расположены одна надъ другой. Нижняя — почти въ уровень съ поломъ, верхняя — досызаня до потолка, а для средняго пассажира отведено было ровно столько мѣста, сколько нужно для того, чтобы совеѣмъ не задохнуться, чтобы съ трудомъ туда взлѣсть, и еще съ большимъ трудомъ оттуда вынырнуть на свѣтъ Божій! Препособленія веѣ чрезвычайно примитивныя. Одно было хорошо — наша каюта расположена была на самомъ носу парохода и могла полною дверью вбпрать въ себя и морской воздухъ и вѣтеръ, разгоняя тѣ „одоры“, кои ми трюмъ и сложенные тамъ смолистые, кожаные, масляные и иные товары щедро обкуривали пассажировъ.

Но вѣдь это и не былъ туристическій пароходъ. На такомъ мы могли бы избѣжать многихъ неудобствъ и обратитъ путешествіе въ „partie de plaisir“, но за то были бы связаны, вынуждены были бы посѣщать мѣста, гдѣ присутствіе наше не ожидалось, и не побывали бы тамъ, куда такъ давно просили Владыку и гдѣ такъ горячо ожидали его прибытія, служенія, слова!...

А на „Cottage City“ мы могли чувствовать себя еще счастливыми, что о. Андреади удалось достать такую каюту. Ибо мы пришли во „единонадесятый“ часъ, и обычный жребій позднихъ пассажировъ — это или оставаться безъ мѣста, или быть разсованными по чужимъ каютамъ. Тогда

го ужь и во все „безъ прѣлности“; извольте — ка имѣть снупикомъ какого нибудь сигарника, или вынввайло, или болѣзненнаго кавризнака визаждито при матѣйшемъ сквозникѣ и т. д.! Пути вѣдь предетояло почти четверо сутокъ!

— „Ничего, потѣсимел!“ — сказала Владыка. И потѣсился. Еще пароходъ двинувъ свои снасти, а мы уже поустроились со своими вещами, вынули дождевики и захватили еще конецъ той суеты, какой обычно сопутетвуется отчалъ парохода. Въ общемъ гулъ матросскихъ гологовъ легко было различить иностранцыя ирѣчя — грековъ, сирійцевъ, а въ очертапихъ лицъ даже при тускломъ вечерпомъ освѣщеніи можно было различить и нѣсколькихъ алексинскихъ туземцевъ.

Почти противъ нашей двери былъ устроенъ сходъ въ третьеклассное помѣщеніе, и здѣсь то и дѣло — то пошлались, то исчезали матросы, налюбые пассажиры и т. д.

А вверху — у нашей же каюты — или дѣтища на верхнюю налубу и къ капитанской рубкѣ, и по ступенькамъ безпрестанно сновали все, — кому нужно, и кому не нужно, — одни въ свои верхніи каюты, другіе — полюбоваться видами, третьи — по долгу службы, четвертые — перекинуться словомъ съ капитаномъ и въ сотый разъ, въ тысячный разъ, можетъ быть и въ десятиллионный разъ заставить эту несчастную жертву пассажирскаго любопытства пробурчать „гудъ морнингъ“ и удовлетворить стѣтвомъ порою праздное любопытство пассажировъ. Бѣдные эти капитаны! Надо удивляться, какъ благодарно несутъ они этотъ свой крестъ! Нашъ командиръ выглядывалъ настоящимъ „морскимъ волкомъ“... Поглядишь — звѣрь звѣремъ! А оказался пресимпатичнѣйшимъ господиномъ. Проливы и фарватеръ зналъ какъ свои пять пальцевъ, пзѣздилъ ихъ вездѣ и впередъ тысячи разъ, и въ зиму,

и въ лѣто, и въ бурю и въ непогоду. „Занявъ какъ за каменной стѣной“ — говорили пассажиры, — говорили, конечно, по англійски и выраженіями нѣсколькими, но смыслъ былъ этотъ, и сознаніе безопасности только увеличивало ихъ вѣжностъ къ капитану, отъ которой его морщило, причемъ неизмѣнная трубка въ рту начинала особенно часто шхтѣть.

Словомъ, почти не выходя изъ каюты нашей можно было видѣть и весь составъ парохода, и всю процедуру дневной его жизни. Тутъ, у паружной стѣнки ея, на пароходной табуреткѣ, иногда устремивъ свой взоръ въ даль, то прозрачную, то задернутую слегка дождливою стѣткой, иногда читая, и просиживалъ все почти время Высокопреосвященный Владыка. Скоро все пассажиры привыкли къ Russian Archbishopу, высокій ростъ, длинныя русые волосы и духовное одѣяніе котораго imponировало съ большою силою на впечатлительныхъ туристовъ, а капитанъ ежедневно удѣлялъ почетному Обитателю нашей каюты особое вниманіе, неизмѣннымъ сердечнымъ „шейкъ гандезъ“омъ сопровождалъ свое:

— Good morning!

Послѣ чего всегда слѣдовалъ краткій, но съ большими паузами, душевный разговоръ.

— „Гудъ морнингъ!“ — отвѣчалъ Владыка.

Молчїе. Shakehands продолжается.

— „Файвъ вэтеръ!“ — дружелюбно рычитъ „морской волкъ“.

— „Верн фаѣвъ, вадидъ!“ — раздается отвѣтъ.

И чрезвычайно довольные другъ другомъ, собесѣдники рѣшаются разстаться до слѣдующаго такого же свиданія.

А бѣдный о. Всеволодъ хватается скорѣе за свои „русскіе образцы“ по Нуроку и горько вздыхаетъ:

„Ахъ, когда же и я, наконецъ, буду

свободно говорить по англійски!...

И только одно существо оставалось для насъ до конца „сущимъ наказаніемъ“, упрямно отказываясь понимать, почему Владыка не ходитъ въ общую столовую, предпочитая голодать въ среду и пятницу, почти ничего не ѣсть, и вообще уклоняется to enjoy himself въ залѣ, гдѣ раздавались и пѣніе и музыка. — это нашъ служка стюардъ! Онъ не могъ никакъ уразумѣть, почему то, что на растительномъ маслѣ приготовлено — ѣсть въ среду и пятницу можно, а что на коровьемъ, нельзя и т. д. И только большой металлическій американскій „рубль“ заставлялъ его прекращать несносное резонерство и общалъ его движеніямъ большее проворство и предупредительность...

Да еще „трещетка“... Неприятнѣйшій тиць, безъ котораго, кажется, ни одинъ рейсъ не обходится... Но о семъ когда-нибудь послѣ, а теперь не хочу еще болѣе омрачать первыхъ минутъ нашего выхода въ море, которыя, какъ видите, далеки и такъ отъ всего того, чѣмъ любятъ очаровывать читателей путешественники, имѣвшіе случай покидать Сеатли въ сно кожную тихую погоду...

Будь ленивый день, и мы бы увидѣли все эти прелести, не только убѣгающій городъ, глядѣвній на насъ и теперь сотнями тысячъ своихъ сверкающихъ очей, одѣтый по контурамъ зданій гирляндами разноцвѣтныхъ лампочекъ, но увидѣли бы и розовый пурпуръ и фіалки солнечнаго заката, о коихъ такъ краснорѣчиво поетъ Ella Higginson, видѣли бы какъ смѣшиваясь съ мглою надъ городомъ переходятъ они въ бѣловатую полосу, обоняли бы благоуханіе волшебной ночи, нанутетвующей нашъ пароходъ въ ту волшебную страну, голосъ которой неотразимо зоветъ къ ней каждаго, кто хотя бы однажды въ ней побывалъ и зовъ ея слышалъ...

Не видѣли мы береговъ, мимо которыхъ, разставаясь съ этимъ портомъ, проходила нашъ корабль, но золотые лучи маяковъ въ West Point, Point-to-Point, Marrow Stone и Point Wilson посылали намъ свой жизнерадостный прощальный привѣтъ, и еслибы не туманъ, мы были бы полной чашей тѣ могучія чары, какими Творческая Рука оживотворила этотъ чудный „Опаль“... Ибо игдѣ въ мірѣ солнечный закатъ не имѣетъ такого вѣснаго, мягкаго, молочно розоваго, опаловаго колорита, какъ въ этихъ водахъ... Прямо изъ воды выросли бы предъ нашими очами холмики, покрытые зеленымъ лѣсомъ, и все это пеленала бы тошкля мгла, въ которой утопали бы огни заката... И, говорятъ, иѣтъ въ мірѣ подобнаго этому цвѣтовъ сочетанію! Точно весь проливъ обратился вдругъ въ одинъ огромный опаль, который разсыпался зачѣмъ на кусочки, бросивъ свои блески — розовы, аметистовы, янтаря и изумрудовы сквозъ призму трепещущаго перламутра... „Море опала“, — такъ называютъ туристы этотъ Puget Sound...

Наступила и ночь. Высокопреосвященный Владыка уже давно удалился въ свои „внутренніе покои“, въ бель-этажѣ, предоставивъ подвальное помещеніе ослабленному о. діакону, а въ мое распоряженіе поступила верхняя койка, куда можно было залѣзть только послѣ пѣкотораго упражненія и увѣчій. Направляясь теперь къ своей резиденціи, я былъ увѣренъ, что о. Всеволодъ уже третьи сны видитъ, и очень удивился, когда различалъ въ окнѣ каюты свѣтъ. Незабвенное зрѣлище представилось мнѣ, какъ только я открылъ дверь въ нашу каюту. Въ задернутыхъ занавѣсочкой „архіерейскихъ покояхъ“ было все тихо; на полу же расположилось со всемъ комфортомъ наше „дѣте“, окруживъ себя разными

биночками, склиночками и пр., и совер-
шало „намизъ“ своихъ большихъ ногъ,
Цѣлый букетъ — по розѣ, не фіалокъ, о
которыхъ повѣствоваль я только минуто
назадъ, а остряхъ енецій — камфоры,
скиндара и пр., всего, чѣмъ лѣчили
насъ дѣдушки и бабушки, — пахнуло на
меня изъ кюоты. О Всеволодъ, видно,
порѣшилъ покончить съ эскулапами, и
прицѣлся за домашній енадобья, во въ
маленькой каюткѣ такая мѣра если и ока-
зывается чрезвычайно чувствительной,
то не для ревматизма, а для нашихъ но-
совъ...

Я такъ и ахнулъ. — „Отче, что вы
сдѣлали?“..

— „Это видите ли“, ...началь онъ
своимъ промогласнымъ шовотомъ, кото-
рый сейчасъ же проникъ и во „внутрен-
нѣ покои“... Оттуда раздаея етонъ:

— „Уморить ты насъ хочешь, діаконъ!
Вѣдь такъ задохнутьсяя недалго!.. Брось,
Христа ради!“

— „Николи же, Владыко святыи! —
это, сдѣлайте мплость, замахъ даже очень
здоровый... У насъ шкаицдаромъ даже“..

— „Шкаицдаръ“... заетоналъ Влады-
ка. Хоть бы ты въ дверь выпускалъ
„шкаицдаръ“ свой...

— „Ишь, вѣдь, грѣхъ какой“, — не-
доумѣнно развелъ руками болицій... „Ока-
жите пожолуйета!“..

Когда чрезъ полчаса, я вернулея въ
нашу резиденцію, лазаретомъ уже не нахло,
въ „покояхъ“ было покойно, только лег-
кое „сонное мечтаніе“ нѣжнымъ дуэтомъ
делкатно прорывало тишину.

Осторожно, чтобы не побезноковтъ
спящихъ, взобрался я къ себѣ на вышку.

— „Боже благослови!“ — оеѣвилъ я
свое ложе. „Помирать, такъ съ музыкой!“..

И дуэтъ быстро смѣнило тріо.

А. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Походы по Алеутскимъ островамъ.

На байдаркѣ въ Акутанъ.

(Продолженіе).

Одѣваются алеуты почти такъ же,
какъ въ Россіи бѣдные мѣщане, только
вмѣсто енаотовъ и банмаковъ все носятъ
тарбаса. Тарбаса — это легкая в непро-
мокаемая алеутская обувь. Подошва тар-
басовъ дѣлается изъ листовъ сивуча а
длиныя голянки изъ горла сивуча. Для
тепла въ тарбаса кладется сухая трава
Когда алеутъ отправляется въ байдаркѣ,
или идетъ на охоту, то онъ одѣваетъ
камлейку. Камлейка — это родъ плаща,
сшитого изъ кишекъ сивуча, въ родѣ ру-
башки. Этотъ плащъ легкой и не промо-
каетъ. Какъ тарбаса, такъ и камлейки
алеуты смазываютъ жиромъ сивуча, кото-
рый прогивно пахнетъ.

Главное занятіе алеутовъ — рыбная
ловля и охота. Они охотятся за лисвца-
ми, сивучами и морскими утками. Ли-
свицъ и утокъ они продаютъ, а сивучей
употребляютъ для себя. Главная пища
алеута — рыба и мясо сивуча. Изъ рыбы
они приготовляютъ балыки и юколу.
Юколой называется сушеная рыба.

Алеутское селеніе управляется то-
еномъ, который нерѣдко бываетъ и часо-
веннымъ старостой. Тоень (по авглійски
chief) — должность выборная на неопре-
дѣленное время. Алеуты уважаютъ тоена,
его слово — законъ. Если тоена кто-нибудь
оскорбитъ, что онъ дѣлаетъ собраніе и
объявляетъ, что онъ не намѣренъ болѣе
служить тоеномъ, такъ какъ его не слу-
шаютъ и не уважаютъ. Алеуты обыкно-
венно упрашиваютъ тоена остаться въ
должности, а виновнато оставляютъ про-
сить прощевія. Этимъ дѣло и кончается.
И тоень, возстановивъ свой авторитетъ,
снова управляетъ селеніемъ. Кромѣ тоена
при часовнѣ иногда бываетъ помощникъ
старосты и есаломщикъ. Староста при
Акутанской часовнѣ очень старъ и боленъ

ревматизмомъ. По старческой немощи онъ отказался отъ своей должности. Я сдѣлалъ собраніе, на которомъ выбрали нового членоваго старосту и помощника старосты.

Говорятъ, что въ Акутанѣ землетрясенія бывають такъ же часто, какъ и въ Уналашкѣ. Недалеко отъ селенія находится вулканъ, который постоянно дымится. Мнѣ хотѣлось снять этотъ вулканъ. Для этой цѣли я пѣлъзала на вершину высокой Акутанской горы, около 3 версты высоты. Верхняя часть горы совершенно лишена растительности и состоитъ изъ голыхъ камней, на вершинѣ горы вѣчный снѣгъ. Жаль, что вершина горы была покрыта густымъ туманомъ, такъ что не только кругомъ ничего не видно, но даже и слѣды на снѣгу плохо были замѣтны. Такимъ образомъ, снять вулканъ не удалось.

5 | 18 Мая. Хотѣлъ сегодня выѣхать изъ Акутана, но мѣшаютъ туманъ и дождь. Приходится дожидать хорошей погоды. Алеуты принесли мнѣ новые тарбаса, которые я заказывалъ еще въ серединѣ марта. Новые тарбаса я одѣну на обратномъ пути.

6 | 19 Мая. Море бурно, плыть байдаркѣ нельзя. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я и нѣсколько челоѣкъ изъ селенія отиравились смотрѣть горячіе ключи. Сначала плыли въ лодкѣ до конца бухты. Далѣе шли по болотистой долинѣ между горами. Видъ очень красивый — съ одной стороны долины море, и съ трехъ сторонъ горы. По серединѣ долины бѣжитъ быстрая рѣчка, въ которой водятся гольцы. Снѣгу на горахъ еще много. Дошли до подошвы горы. Далѣе нужно подняться на гору. Подъемъ не высокій и не крутой, но по временамъ выглядывало солнышко и тогда сразу становилось жарко. Поднялись на гору. Съ горы открывался видъ на долину съ горячими ключами и на горячую

бухту. Долина съ горячими ключами такъ же очень болотиста. По серединѣ долины также протекаетъ рѣчка, въ которой водятся гольцы. Мы должны были пересѣчь долину. Горячіе ключи находятся на другой сторонѣ долины у подошвы горы. Они вытекають изъ горъ и впадаютъ въ рѣчку. Въ этой долинѣ выходитъ до двадцати горячихъ ключей съ небольшими озерами горячей воды. Вкусъ воды желѣзисто-сѣрный. Температура различная — отъ теплой до кипятка, въ которомъ можно сварить рыбу. У этихъ ключей въ давнее время, когда Алека принадлежала еще русскимъ, была устроена барабора, въ которой жили больные, лечившіеся горячими ключами. Теперь отъ бараборы осталась только яма. Лѣтъ десять тому назадъ здѣсь стояли двѣ палатки, въ которыхъ проживали два Американца, прививавшіе ванны въ этихъ ключахъ отъ ревматизма. Годъ тому назадъ въ этихъ ключахъ кунался креоль Головинъ изъ Уналашки, страдавшій ревматизмомъ. Благодаря этимъ ключамъ онъ совершенно поправился. Если бы эти цѣлебные ключи протекали въ культурной странѣ, а не въ пустынѣ, то здѣсь давно была бы построена лечебница.

Обратно въ селеніе послѣ экскурсіи къ горячимъ ключамъ возвратился въ часъ дня. Къ вечеру море успокоилось. Если завтра будетъ хорошая погода, то оправимся въ Уналашку. Я приготовился въ дорогу и отслужилъ напутственный молебенъ „хотящимъ по водамъ плыти“.

7 | 20 Мая. Вѣтеръ противный, ѣхать нельзя. Еще приходится ждать. Вотъ уже пять дней, какъ я въ Акутанѣ. Не известно, когда можно будетъ отправиться въ Уналашку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. Уналашкнской церкви А. Пантелеевъ.

Краткія толкованія на Евангелія утреннія воскресныя.

Евангеліо 4-е: Лук. 24, 1, 12.

„Во одну отъ субботъ жены... обрѣтоша камени отвалены отъ гроба. И вшедше во обрѣтоша тѣлесе Господа Іисуса“ (ст. 1—3).

(Осмысленіе.)

Когда снимается наше недоумѣніе въ какомъ либо дѣлѣ нами овладѣваетъ радость. Когда отчаяніе было близко нашей души и вдругъ открывается полная возможность для надежды, тогда мы переживаемъ какъ бы воскресеніе, оживотвореніе. Мы начинаемъ заново жить. Это имѣло мѣсто у жень-мироносиць. Это совершается и съ каждою вѣрующею душою, съ благовѣіемъ внимающею словамъ св. Евангелія и хранящею ихъ въ тайникахъ своихъ!...

„И помлнуша глаголы Его“ (ст. 8), связавши такимъ образомъ настоящее пережитое, съ тѣмъ, что обѣщало настоящее, но не было еще доселѣ уразумѣто вполне. Вѣра въ воскресеніе Господа завѣрена отвнѣ, нашла для себя источникъ внутри, неопровержимо явствуетъ изъ обстоятельствъ. Еще неизвѣстны причины и всѣ цѣли этого событія, но само событіе стало достояніемъ человѣческаго сознанія. Еще пужно привѣтсая этой вѣрѣ въ души и возрасти въ ней до непоколебимости, но уже очевидно, что не замретъ, не заглухнетъ, не будетъ потеряно святое сѣмя новой жизни. „Гробъ обліста жизнь, чудо облістаете жень“. Неудивительно по этому, что жены не медля, „возвращшеса отъ гроба, возвѣстиша вса сія единомунадесяте и всѣмъ прочимъ“ (стор. 9).

Таково начало той вѣры, которая прошла всееленную, обновила народы, основала Церковь, освѣтила жизнь, открыла сердца, утвердила мысль, соединила далековъ, водрузила истину, примирила

съ небомъ, стала залогомъ безсмертія!... Всякъ теперь скажетъ: справедливо мы празднуемъ первый день недѣли, день солнца, ибо для насъ воссіяло въ сей день истинное солнце правды — Христосъ Богъ нашъ! Всякъ признаетъ законность переменъ въ теченіи дней и лѣтъ, такъ какъ Воскресшій Спаситель, — начало всеобщей всерадостной жизни, есть Начальникъ поваго человечества, подлинный Начальникъ будущаго вѣка! Пусть не станетъ въ защиту ветхозавѣтнаго празднованія субботы, ибо не забываютъ никогда тѣхъ минутъ, когда съ души нашей бывають сняты всѣ недоумѣнія скорби, отчаянію, безнадежности, и она получаетъ взаменъ того радость, миръ, благоволеніе, понятіе, смыслъ, просвѣтленіе полное и воскресеніе духа къ благодатной жизни.

И такъ жены „спыголаху ко Апостоломъ сія“. Но явншася предъ Апостолами „яко лжа глаголы ихъ и не вѣроваху имъ“ (стор. 10 и 11). Мы однако знаемъ, что это „невѣріе“ было началомъ вѣры. Св. Апостолы, узнавши о гробѣ, какъ источникъ чудесъ, уже не могли ни на минуту допустить до мысли о совершенномъ исчезновеніи ихъ Божественнаго Учителя.

„Петръ же -- говоритсая -- поставъ, гече ко гробу“ (ст. 12). А изъ Евангелія св. Богослова Іоанна извѣщается, что и онъ тоже побѣжалъ туда (Іоан. 20, 3 и 4). Ихъ влекъ къ себѣ этотъ чудоточащій гробъ Христовъ. Безгласныя „ризы едны лежещи“ говорили имъ объ отсутствіи Господа ихъ, отсутствіи свободномъ, сознательномъ, побѣдномъ. И они уходили отъ гроба въ глубокомъ размышленіи о совершившемся, стараясь собраться съ мыслями, чтобы понять оцѣнить и несоблазниться въ этомъ невѣроятномъ -- чудномъ, -- но несомнѣнно -- дѣйствительномъ происшествіи.

Влаженны мы, православные христіане, слышаще еженедѣльно глаголы о воскресеніи Господа нашего Ісуса Христа! Все стаетъ понятнымъ вслѣдствіе этихъ евангельскихъ вѣщавій намъ о Воскресшемъ. Понятно наше наименованіе „Христіане“, ибо отсюда видна наша привязанность къ Нему и готовность слѣдовать за Его ученіемъ и жизнью. Понятно наше празднованіе не иного какого, а именно перваго дня недѣльнаго, ибо это есть день Его славнаго тридневнаго пазъ мертвыхъ воскресенія. Повяты, наконецъ, и наша радость, бодрость, обнадеженность и сила, какія мы проявляемъ самою вѣрою нашею въ Ісуса Христа, самымъ прібытіемъ въ Его святыи храмъ, самымъ смиреннымъ выслушиваніемъ священныхъ повѣствованій о Его славномъ и звѣтломъ воскресеніи, — ибо мы во Христѣ и Онъ съ нами до скончанія вѣка!..

Господи Ісусе Христе, просвѣтитель и освѣтитель всяческая, пріими нашу пѣснь и помилуй насъ, яко единъ благоутробенъ! Аминь.

Прот. Л. Турквизъ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Миннеаполиск. Дух. Семинаріи
за 1908—1909 учебный годъ (4-й годъ существованія).

Всѣ зданія застрахованы въ двухъ конторахъ: главное зданіе по 31 Окт. 1911 г. чрезъ Fred. J. James Co. на 3000 дол. въ Chicago Ill. въ National Fire Insurance Co. of Hartford Conn. (Nr. of policy 791014) — зданіе оцѣнено въ 5000.00, за страховку дано 60 дол.; 2, внутренній флигель (во дворѣ), оцѣненный въ 600 дол. застрахованъ 13 July, 1908 г. на 3 года за 4 дол. 50 ц. въ The Buffalo German Insurance Co. чрезъ F. J. Koss & Co. (№ of Policy 20435); 3, флигель по 5-й улицѣ въ той же ком-

паніи за Nr. 20483, оцѣненный въ 450 дол. застрахованъ за 4 дол. 50 ц. на три же года.

Срокъ страховки 3-го флигеля, по 17-й авеню истекъ и страховка не возобновлена. Точно также не возобновлена страховка внутренняго содержания въ семинарскомъ корпусѣ, застрахованнаго равнѣе въ 1,000 съ платою 2.74 въ три года, — не возобновлена вслѣдствіе возросшей цѣнности всего инвентаря и главнымъ образомъ библіотеки (для чего требуется составить новую опись имущества Семинаріи). Срокъ истекъ Nov. 27, 1909 г. (policy N 33193).

Участокъ земли, занимаемый семинарскими постройками (обозначаемый на городской картѣ подъ N N 11 и 12, ward 9, block 11, section 22), содержитъ — 120 ф. ширины и 150 ф. длины. Со стороны улицъ 5-й и 17-й имѣетъ желѣзную рѣшетку, построенную въ 1907-мъ году, бульваръ, засаженный при смотрителѣ миссіонерскаго училища, о. Архим. Авитоліи, въ 1899 году, и со стороны самыхъ улицъ обложенъ въ 1908 году камнемъ (brickstone). — Со стороны „эли“ и сосѣда, въ восточной и сѣверной частяхъ, участокъ этотъ окруженъ заборомъ, поставленнымъ въ 1907 году.

Внутри дворъ не подѣленъ соотвѣтственно хозяйственнымъ нуждамъ ни семинарскимъ, ни арендаторовъ; въ части около корпуса не вымощенъ; не имѣетъ особыхъ надворныхъ построекъ для храненія дровъ, и только въ сѣверо-восточномъ углу есть отхожее мѣсто, выстроенное въ 1907 году, а за нимъ загородка для отбросовъ. Очистка двора для Семинаріи стоитъ до 20.00.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Редакторъ,
Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.